

© 2026. Д. А. Романов

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
г. Тула, Россия

Некоторые лексические характеристики начальных редакций повести Л. Н. Толстого «Юность»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда

№ 25-28-20226, <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

Аннотация: Исследование направлено на выявление лексических показателей новаторских подходов Л. Н. Толстого к художественному тексту. В биографической трилогии не только закладывались основные черты идиостиля писателя, но и оттачивались авторские подходы к работе над словом: к отбору лексических единиц, словотворчеству, добавлению к значению коннотативной окраски, формальной и семантической трансформации иноязычных лексем, использованию изобразительно-выразительных и стилистических средств. Репрезентативную информацию о характере работы Толстого над «Юностью» дают начальные авторские редакции текста, в статье подчеркивается их ценность для иллюстрации принципиальных подходов Толстого к художественному освоению лексики. Напряженная динамика лексического состава текстовых редакций рассматривается как процесс оттачивания писательского мастерства и как «диалог» с литературным языком эпохи. Применение корпусной методологии и статистический анализ (на базе Национального корпуса русского языка) дает возможность выстроить хронологическую перспективу каждого исследуемого лексического явления, определить уровень его частотности и потенциальное влияние на развитие лексического состава русского литературного языка последующего времени.

Ключевые слова: литературный текст, Л. Н. Толстой, «Юность», авторские редакции, идиостиль, лексика, потенциальное слово, просторечие, заимствование, стилистические приемы

Информация об авторе: Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, просп. Ленина, д. 125, 300026 г. Тула, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

E-mail: kafrus@rambler.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 28.03.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 12.05.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Романов Д. А. Некоторые лексические характеристики начальных редакций повести Л. Н. Толстого «Юность» // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 284–305. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-284-305>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 284–305. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 284–305. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Dmitry A. Romanov

Tula State L. N. Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia

Some Lexical Characteristics of the Early Drafts of L. N. Tolstoy's Story "Youth"

Acknowledgments: This study was supported by grant no. 25-28-20226 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

Abstract: This study aims to identify the lexical indicators of Leo Tolstoy's innovative approaches to literary text. The biographical trilogy not only established the fundamental features of the writer's individual style but also refined the author's approaches to word processing: the selection of lexical units, word creation, the addition of connotative shades to meaning, the formal and semantic transformation of foreign lexemes, and the use of figurative, expressive, and stylistic devices. The author's initial versions of the text provide representative information about the nature of Tolstoy's work on "Youth." The article emphasizes their value in illustrating Tolstoy's fundamental approaches to the artistic development of vocabulary. The dynamic changes in the lexical composition of these textual versions are examined as a process of honing the writer's craft and as a "dialogue" with the literary language of the era. The use of corpus methodology and statistical analysis (based on the National Corpus of the Russian Language) makes it possible to trace the chronological development of each lexical phenomenon under study, determine its frequency level, and assess its potential influence on the development of the lexical composition of the Russian literary language in subsequent times.

Keywords: literary text, L. N. Tolstoy, "Youth," author's editions, individual style, vocabulary, potential word, vernacular, borrowing, stylistic techniques

Information about the author: Dmitry A. Romanov, DSc in Philology, Professor, Tula State L. N. Tolstoy Pedagogical University, Lenin Ave., 125, bld. 4, 300026 Tula, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

E-mail: kafirus@rambler.ru

Received: March 28, 2026

Approved after reviewing: May 12, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Romanov, D. A. "Some Lexical Characteristics of the Early Drafts of L. N. Tolstoy's Story 'Youth.'" *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 284–305. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-284-305>

Специалисты-текстологи обычно рассматривают три авторских редакции повести «Юность» [Толстой 1930: 297–348], [Толстой 2000: 359–502]. Первая датируется мартом–апрелем 1855 г., вторая — июлем 1855 – августом 1856 гг. и третья — августом – сентябрем 1856 г. Редакции повести неравнозначны по объему и, как правило, включают несколько вариантов, потому что Толстой имел обыкновение внутри нового текста делать многочисленные правки и заметки:

<...> та непринужденность выражения мысли во всей ее полноте, со всеми ее примыкающими дословиями и распространениями. — Все это давалось в итоге долгого, тяжелого труда [Чичерин: 227].

Нужно заметить, что в лексическом отношении редакции подчас весьма серьезно отличаются от окончательного (канонического) варианта последней части толстовской биографической трилогии. Связано это в первую очередь с тем, что в ходе работы у писателя корректировался замысел произведения и, соответственно, менялась концепция того, что он хотел бы видеть итогом своего творческого процесса. Те или иные векторы развития авторского замысла, подчас достаточно различные в сравнении друг с другом, приводили к изменению отбора лексики для их воплощения. При этом, когда замысел трансформировался в очередной раз, предыдущие творческие наработки дезавуировались. Многое из того, что Толстой подробно обдумал и кропотливо обработал в стилистическом отношении, не стало частью окончательного текста повести. Именно поэтому авторские редакции заслуживают рассмотрения с лингвостилистической и лингвопоэтической точек зрения. В них отражается масштаб творческого дарования Толстого, которое в этот период оформлялось с наибольшей интенсивностью: в биографической трилогии, представляющей собой первое завершенное крупное творение Толстого (а все три

повести, безусловно, едины с точки зрения идейно-художественного воплощения), отражаются главные черты идиостиля писателя, бросающие проспективный отсвет на все его последующие произведения. Даже самые, на первый взгляд, мелкие лексические «подвижки» текста «Юности» заслуживают рассмотрения, потому что определенным образом характеризуют и складывающийся толстовский идиостиль, и тип взаимодействия толстовской лингвопоэтики с литературным языком эпохи.

1. Отражение психологии в лексике повести

Разумеется, основное, что отражают варианты текста повести, это поиск Толстым средств оформления внутреннего состояния главного героя (его чувств, переживаний, эмоций и т. д.), тщательный отбор лексики, выбраковку всего, что в психологическом ракурсе, по мнению Толстого, неточно или недостаточно глубоко. В этом заключалась основная работа писателя над лексикой произведения. Так, во второй главе первой редакции, которая впоследствии будет называться «Весна», писатель старался отразить изменения настроения Николеньки Иртеньева, занятого скучной рутинной подготовки уроков на фоне разворачивающейся за окном картины бурного весеннего оживления природы. Пытаясь изобразить первоначальное самоощущение героя, Толстой подбирает словосочетание «*особенное сосредоточенное в самом себе состояние духа*», затем — в новом варианте — он вписывает прилагательное *кроткое*: «*кроткое состояние духа*» [Толстой 2000: 359]. Однако даже такое усложнение казалось Толстому недостаточным. Ему важно было отразить диалектику чувств, «диалектику души» (до сих пор эта формула Чернышевского применительно к ранним произведениям Толстого является самой точной). Именно поэтому в той же главе несколько позже Толстой возвращается к определению чувств героя, и представляет его уже диалектически, соединяя в определении фактически антонимичные слова категории состояния:

Я подошел к окну, облокотился на него, и мне стало удивительно *хорошо*; но не одно *хорошо* — мне было и *грустно* отчего-то (Курсив мой. — Д. Р.)¹ [Толстой 2000: 360].

Толстой много искал в области языкового воспроизведения психологических феноменов человеческого общения. Часть таких находок не вошла в окончательную редакцию «Юности», но оттого не теряет своей ценности, потому что показывает, как по крупницам складывается так хорошо известный читателям толстовский психологизм. Отметим, например, следующий показательный фрагмент из рассказа о пребывании главного героя у Нехлюдовых:

Я даже заметил, что Лиза и Дмитрий отвернулись от меня и заговорили о другом с *выражением, которое я впоследствии часто замечал в людях*, когда очень молодой человек начинает очевидно лгать им, и которое значит: зачем он, бедный, лжет, из чего он старается, ведь мы знаем, что он лжет [Толстой 2000: 383].

К аналогичным тонким психологическим наблюдениям можно отнести и такое замечание, встречающееся в плане «Юности»:

Экзамены *хуже выдерживаю* от того, что *желаю слишком много хороше-го* [Толстой 2000: 385].

Примером точного воспроизведения явлений человеческой психики может служить описанная Толстым привычка загадывать развитие какой-либо ситуации для определения правильности или неправильности собственных оценок. Каждому человеку известен такой психологический феномен, однако в литературе он впервые представлен именно у Толстого. Николенька, наблюдая за слугой, выставляющим зимние рамы, размышляет так:

Ежели рама выйдет теперь сразу, — сказал я сам себе, — значит, действительно я поступил очень хорошо [Толстой 2000: 359].

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. — Д. Р.

Тщательность представления реального мира в «Юности» достигает своей высшей точки. Во многом этому способствует перенесение событийной канвы в Москву, где окружающий главного героя мир богаче, разнообразнее, «стремительнее», чем в деревне. Возникают такие подробности (а в соответствии с этим и слова): *калиберный извозчик, пролетка, тротуар* и др., топографические черты Москвы, характеристики общения студентов и преподавателей на вступительных экзаменах в университете и т. д. Лексические подробности усиливают у читателя «ощущение конкретной неповторимости любого жизненного явления, взятого в его предельно индивидуализированном виде» [Бухаркин: 95].

Помимо этого, Толстой продолжает начатое в «Детстве» воплощение языковой стихии одной семьи — семьи Иртеневых, во что писатель вкладывал много личного опыта. Особенности общения, привычек, языковые формулы, этикетные фразы и т. п. в «Юности» представлены довольно широко. Многие из них узнаваемы и до настоящего времени, но заслуга Толстого состоит в том, что он впервые перенес подобные детали в художественный текст. Вот пример из второй редакции главы «Наше семейство» (в окончательном тексте — «Наш семейный кружок»):

Я в то время занимался неохотно, больше шлялся без всякой видимой цели по коридорам, упражнялся гимнастикой, мечтал сделаться первым силачом в мире, изредка сходил вниз, с отвращением слушал в тысячный раз ту же сонату или вальс, которые стучали на фортепьяно Любочка или Катенька... [Толстой 2000: 390].

В «Юности» Толстой развивает начатую в «Отрочестве» линию Дмитрия Нехлюдова. В ней писатель воплощает психологический феномен абсолютного доверия, преданной и бескорыстной юношеской дружбы. Для этого он использует особую лексику:

Удивительно было влияние на меня этого человека: все, что он говорил, казалось мне такой непреложной истиной, что глубоко неизгладимо врезывалось в памяти [Толстой 2000: 372].

Словосочетание *непреложная истина*, тяготеющее к языковой устойчивости и восходящее к церковнославянским источникам, в рас-

смаатриваемом контексте выполняет функции усиления достоверности и введения высокой патетики, которые, несомненно, и хочет реализовать Толстой. Духовная близость Николеньки и Нехлюдова подчеркивается разными способами, и в данном случае Толстой также стремится к созданию предельной психологической достоверности изображаемого. Единение людей основывается в первую очередь на их взаимопонимании. Николенька замечает:

<...> я понимал все, что он хотел высказать. И понимал эту стыдливость чувств, что он так сильно чувствовал, что не хотел говорить так, как говорят обыкновенно [Толстой 2000: 376].

Писатель напряженно и целенаправленно искал формулы для выражения внутреннего состояния человека, глубоко преданного другому. Повторы, показывающие нелинейность, нестройность, трудную объяснимость мыслей и эмоций, здесь вполне уместны. И несмотря на то что в окончательном тексте приведенный фрагмент был подан по-иному, первая редакция достаточно наглядно иллюстрирует лингвопоэтические поиски автора.

Уже в период работы над биографической трилогией складывается та черта идиостиля Толстого, которая внедряет автора и авторское отношение в изображение любого фрагмента действительности. Кроме того, именно в это время (правда, еще в незначительном объеме) в текст начали проникать толстовские авторские замечания, отступающие от общего сюжета повествования. Такие замечания носят разный эмоциональный характер, в том числе ироничный. Примером может служить замечание о литературе, присутствующее во второй редакции повести «Юность» и не вошедшее в ее окончательный вариант, как и героиня, в связи с рассказом о которой они помещены:

Барышня Рогова, занимаясь этими делами, нисколько не имела корыстных видов и ни в каком случае не принадлежала к разряду приживалок, которыми еще больше, чем богатые старушки, злоупотребляют наши литераторы; она была богата и самостоятельна, но чувствовала призвание к духовенству и Гостиному двору, и совершенно беспристрастно предавалась этим наклонностям [Толстой 2000: 398].

2. Лексический выбор Толстого в контексте языка эпохи

Многие слова, которые были использованы в начальных редакциях «Юности» и не вошли в окончательный вариант, иллюстрируют объем и состав лексики писателя и позволяют говорить о способах творческого преломления им собственного восприятия действительности и собственного внутреннего мира. Так, в рассуждениях о поступлении в университет у Николеньки проскальзывает слово *провалиться* в значении ‘потерпеть неудачу, неуспешно сдать экзамены’. Нужно отметить, что к моменту написания «Юности» это значение у глагола было не слишком распространено в речи. Неслучайно Толстой в первой редакции произведения дает к этому глаголу пояснение в скобках:

Мне бы хотелось, чтобы он провалился (*слово, которому я выучился у товарищей и означающее не выдержать экзамена*)... [Толстой 2000: 373].

По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹, одним из первых отражений глагола *провалиться* в таком значении был контекст повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845): «...Как говорится на пансионном языке, провалился с первого слова...» [Цит. по НКРЯ]. И. С. Тургенев в романе «Рудин» (1856) использует словосочетание *жестко провалиться в диспуте*. Третьим по времени является как раз толстовское употребление в повести «Юность» (оно встречается неоднократно). Н. Г. Помяловский в «Очерках бурсы» (1862) показывает разницу между учебным жаргоном дворянства и мещанства: «Здесь он срезался (то же, что в гимназии провалился) и не мог перевести одного пункта...» [Цит. по НКРЯ]. Толстой, таким образом, входит в число писателей, зафиксировавших в русском литературном языке дворянское сленговое значение глагола *провалиться*. Ныне оно подается в толковых словарях как оттенок значения ‘терпеть полную неудачу, неуспех’ [БАС III 20: 649]. В современной редакции БАСа этот оттенок значения иллюстрируется приведенным выше примером из «Рудина» И. С. Тур-

¹ Данное исследование в хронологической части опирается на достижения современной отечественной корпусной лингвистики: [Савчук, Архангельский и др.: 7–10].

генева, а также контекстом из «Поединка» А. И. Куприна. Последнее свидетельствует, что эта семантика перешла и в XX в. Она существует в студенческом жаргоне до настоящего времени.

По имеющимся в языке деривационным моделям Толстой конструировал потенциальные слова, которые вводил в текст своей повести. Разумеется, потенциальное слово по творческому заряду не равно окказионализму. Мало того, оно может встречаться в отдельных лексикографических источниках, современных художественному произведению или даже предшествующих ему, но, как правило, без примеров употребления и не в самостоятельной словарной статье. Толстой в таком случае является тем автором, который впервые придал потенциальному слову литературное оформление, сообщил ему функциональный импульс. Примером такого потенциального слова является существительное *беспричудливость*. В первой редакции повести «Юность» читаем:

Все, что было в ней хорошего, был голос, выражение доброты... и опять та же беспричудливость, простота и логичность в манерах [Толстой 2000: 380].

Существительное *беспричудливость* не отмечено НКРЯ, а следовательно, приведенный выше контекст по данным, известным к настоящему времени, содержит первое литературное употребление этого потенциального существительного в русском языке.

К числу потенциальных относится глагол *дообеда́ть*, который впервые употреблен во второй редакции «Юности» и который вошел в окончательный текст повести:

Мы опаздывали, иногда приходили ко второму блюду... вставляли, иногда не дообеда́в, особенно Володя... [Толстой 2000: 389].

НКРЯ дает на глагол и его формы 18 примеров в 18 текстах. Это свидетельствует о том, что данный глагольный корень относится к низкочастотным в русском языке, однако он достаточно стабильно употребляется. Последние по хронологии примеры относятся к рубежу XX–XXI в. Впервые же НКРЯ фиксирует этот глагол в пьесе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» (1839). Деепричастие *не дообеда́в*

ии впервые зафиксировано в «Истории моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова (1856). Толстовская «Юность», по НКРЯ, является третьим произведением, когда данный глагольный корень употреблен в литературном языке. Слово, конечно, не является результатом творческой интерпретации языка Толстым, однако показывает широту его лексикона, в котором встречаются слова низкочастотные и малораспространенные в текстах того времени. Таким образом, Толстой способствует продвижению этого глагола в русский литературный язык.

Отдельные типичные сочетания слов сохраняются в редакциях «Юности» едва ли не уникально. К числу таковых относится архаизованное уже в эпоху Толстого сочетание *быть свободну*:

Мне хотелось скорее жить и прикладывать к жизни свои открытия и быть свободну так, как Володя [Толстой 2000: 391].

По данным НКРЯ, словосочетание *быть свободну* зафиксировано только в одном контексте — у Я. П. Козельского в «Рассуждениях двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» (1788):

<...> надобно быть свободну от всякой партии, свергнуть с себя иго всякого неприличного уважения (autorité); чтоб делать хорошо опыты, дар (le génie) к тому нужен по крайней мере столько, как и рассудок <...> [Цит. по НКРЯ].

Ни до, ни после указанного времени это сочетание в корпусе не представлено. Оно не вошло в итоговый текст «Юности». Толстой отказался от сочетания, видимо, ввиду его архаичности, которая в данном случае не отвечала авторскому замыслу.

Можно отметить, что отдельные слова, приобретшие ко времени написания «Юности» переносные значения, укреплялись в такой семантике благодаря их употреблению Толстым. Ярким в этом отношении является, например, слово *пошлость*. Во второй редакции «Юности» в рассуждениях Николая Иртеньева читаем:

Как я уже говорил, в ту пору моей юности я ничего столько не боялся и не презирал, как пошлости, [и вследствие этого] Любовь Сергеевна мне не понравилась [Толстой 2000: 451].

В значении 'нечто тривиальное, банальное, ожидаемо привычное' слово *пошлость* начало употребляться на заре XIX в. НКРЯ дает подобную семантику в произведениях С. П. Жихарева, А. С. Грибоедова, Н. А. Полевого, П. А. Вяземского и др. Толстой был далеко не первым автором, использовавшим слово *пошлость* в такой семантике, но нельзя не отметить, что толстовские контексты, в том числе и приведенный выше контекст второй редакции повести «Юность», действительно способствовали укоренению в языке представления о «затертых», неоригинальных образцах чего-либо как о пошлости. Толстой не только использовал слово в категориальной семантике этики и эстетики, но и самим содержанием своих произведений показывал, что есть в его представлении пошлость общественной и семейной жизни.

В повести «Юность» продвигаются отдельные переносные значения просторечных слов, которых Толстой не чуждался на всех этапах своего творческого пути (а не только в своем позднем, «опрошенном» стиле, как иногда считают). Примером может служить слово *мелюзга*. Во второй редакции «Юности» встречается такой контекст употребления этой выразительной лексемы:

И действительно, как было Володе, который уже второй год брил бороду и ездил в вокзалы и в театр с трубкой и который, верно, там видал девочек получше их, обращать на эту мелюзгу какое-нибудь внимание [Толстой 2000: 457].

Прямое значение слова *мелюзга* в толстовское время — 'мелкие вещи, предметы' [Даль 2: 824]. Эта лексема функционировала еще в XVIII в. НКРЯ дает большое количество примеров из «Всеобщего и полного домоводства» В. А. Лёвшина (1795), где слово *мелюзга* используется в значении 'мелкая рыба'. Одним из первых в переносном смысле и применительно к человеку эту лексему использовал Н. В. Гоголь. Он установил традицию ироничного употребления слова *мелюзга*. Толстой в данном случае поддерживает гоголевскую традицию словоупотребления, которая и до настоящего времени широко представлена в русской устной и письменной речи.

Толстой, как уже отмечалось, нередко вводил в жизнь потенциальные слова. К числу таковых принадлежит просторечное существительное *шлянданье*: «Она имеет страсть к неглиже, к шлянданью по всем

комнатам...» [Толстой 2000: 487]. По данным НКРЯ, это слово не отмечено больше ни в одном тексте корпуса. Вероятнее всего, существительное от глагола *шляться* произведено Толстым или введено им на основе речевого опыта его ближайшего окружения. Негативная оценка просторечного *шляться* не раз была задействована Толстым, в том числе и в биографической трилогии (глагол употреблялся еще в «Детстве»). Потенциальное существительное от этого глагола призвано, видимо, дать более глубокую характеристику того психологического типа жен, к которым принадлежит молодая мачеха детей Иртеньевых Авдотья Васильевна.

К разряду редко употребляемого просторечия, сохраненного на страницах толстовской «Юности», относится существительное *мосо-лыга*, используемое для характеристики быта студента Мухина (так во второй редакции «Юности» именуется будущий Зухин): «Ничего, — отвечал Мухин, обгрызывая мосолыгу» [Толстой 2000: 490]. Это просторечное слово, конечно, имело широкое хождение в эпоху написания повести, однако в тексты оно не просачивалось. Отказался в итоге от него и Толстой. НКРЯ свидетельствует, что это существительное зафиксировано только в повести М. П. Погодина «Васильев вечер» (1831). Еще одним просторечным словом из языкового мира Мухина (Зухина) является существительное *свинчатка*:

Главное же, что-то широкое, разгульное было в этой жизни и в этих кутежах в «Лиссабоне» и каких-то таинственных домах с рублем в кармане и свинчаткой в руке, которое прельщало меня [Толстой 2000: 491].

Это просторечное слово, употреблявшееся в русском языке еще с XVIII в., имело различные значения. Так мог именоваться в просторечии свинцовый груз, тяжесть, свинцовый уголок на чемоданах и др. У Толстого — явно преступный, уголовный контекст, в котором слово *свинчатка* обозначает, видимо, 'кастет'. Слово приобретает особую выразительность для характеристики наклонностей этого героя повести, который не принадлежал к дворянскому сословию. Среди многочисленных значений этого просторечного слова семантика, задействованная в повести «Юность», одна из показательных.

К числу слов, которые поддержаны употреблением Толстого, принадлежит уже низкочастотное в конце 1850-х гг. прилагательное *суч-*

ливый. Несмотря на малую продуктивность, это слово чрезвычайно важно в тексте для характеристики Авдотьи Васильевны. Писатель нашел его лишь в третьей редакции повести:

Авдотья Васильевна мало имела сходства с матерью и физически и морально. Она была велика, полна, чрезвычайно красива и не весела, как мать, а напротив, скучлива [Толстой 2000: 498].

Прилагательное *скучливый* отмечено НКРЯ уже в середине XVIII в. Оно встречается у Ломоносова, Савицкого, Радищева, Лёвшина и др. Толстой, видимо, придавал ему специальное художественное значение, обогащенное оттенком внешней театральности, жеманности, неестественности. По данным НКРЯ, это слово несколько раз использовано Толстым в «Войне и мире». Подчеркнем, что коннотация словоупотреблений та же: не просто склонный к скуке, а подчеркнуто скучающий, выдающий скуку напоказ (*скучливый голос, скучливое хождение, скучливый разговор*). Как показывает НКРЯ, это слово продолжает использоваться до настоящего времени и, хотя встречается в текстах редко, не утратило своей выразительности, в том числе, видимо, благодаря той коннотации, которая была приписана ему Толстым (НКРЯ дает контексты современных писателей Т. Юрьевой, М. Палей, Е. Пильщиковой).

Вполне очевидно, что отдельные слова, относившиеся уже в XIX в. к разряду редко употребляемых, были свойственны толстовскому лексикону. Это обусловлено, скорее всего, семейной традицией их использования. К числу таких слов относится, например, название шелковой ткани *gro-gro* (французский «корень *gro-*, входящий в состав названия какой-либо ткани, означал, что исходным сырьем был шелк. Сорт таких тканей было очень много» [Кирсанова 1989: 72]). Об этом слове можно говорить как о толстовском, потому что оно, являясь низкочастотным и «бытописательным», встречается в произведениях автора не один раз [Язык Л. Н. Толстого: 34–35]. НКРЯ фиксирует его также в повести «Два гусара» (1856). Во второй редакции «Юности» в контексте, не вошедшем в итоговый вариант, встречаем еще одно употребление этого слова:

Одно лишь, в чем я могу упрекнуть ее, это то, что она купила раз отвратительного гро-гро с цветочками на жилет, когда мне хотелось черного атласу... [Толстой 2000: 398].

По фиксации НКРЯ, это слово дважды употреблено в повести Н. С. Лескова «Захудалый род» (1874), а также в записках Д. Д. Благово «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово» (1877–1880):

К слову о цветах скажу, кстати, о материях, о которых теперь нет понятия: объярь или гро-муар, гро-де-тур, гро-гро, гро-д'ориан, леван-тин, марселин, сатень-тюрк, бомб — это все гладкие ткани <...> [Цит. по НКРЯ].

Это слово несет в себе представление о быте середины XIX в. и является своего рода вещественным знаком времени, что особенно ценно для художественного произведения реалистической направленности. Обозначаемая этим словом реалья по праву встает в один ряд с другими важными деталями толстовского текста, характеризующими эпоху конца 1850-х гг. Отметим, что у слова *гро-гро* в середине позапрошлого столетия был синоним *грозгон* (производное от него прилагательное *грозгоновый* использовал, например, А. Н. Островский [Ашукин, Ожегов, Филиппов: 47]), однако в толстовский лексикон входило только первое существительное.

Толстой вводит в текст «Юности» большое количество иноязычных слов, впервые (или недавно) претерпевших кириллическую трансформацию. При этом данные слова, которые могли быть введены в литературный оборот и не Толстым, сохраняют у него первоначальное значение языка-источника или оригинально интерпретируются. Это относится, например, к глаголу *третировать*. Привычное в настоящее время значение 'выказывать пренебрежение кому-либо; обходиться бесцеремонно, не считаться с кем-либо' стало распространяться в русском языке еще в 40-е гг. XIX в. НКРЯ приводит примеры употребления глагола *третировать* в указанном значении с контекстами произведений А. Ф. Писемского, И. А. Гончарова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др. Этот глагол заимствован из французского *traiter* — 'обходиться, обращаться'. У Толстого в «Юности» русифицированная

форма сохраняет первоначальное французское значение и в начальной редакции «Юности» употребляется дважды:

Особенно нравилось мне и доставляло наслаждение то, что меня третировали серьезно <...> как большого [Толстой 2000: 379];

<...> перед тем, как нам разъезжаться, он третировал меня совсем по-товарищески, говорил мне «ты» <...> [Толстой 2000: 384].

Толстовское словоупотребление показывает, что для него в это время глагол *третировать* был русифицированной формой французского слова и имел не ту семантику, которая закрепилась за ним в русском языке позднее. Нужно отметить, что значение 'обходиться, обращаться; представлять, изображать, толковать' у глагола *третировать*, по свидетельству БАС I, встречается также в прозе Достоевского, Н. Успенского и даже Чехова (т. е. в конце столетия) [БАС I. 15: 919]. Подобное словоупотребление остается в русской лингвистике оригинальным и показывает, насколько франкофония была для писателей XIX в. привычной. Толстого же это затем привело к стилистически осознанному противопоставлению французских и русских оборотов речи у многих героев его зрелых произведений.

Еще одним иноязычным словом, которое вводит Толстой в оборот русского литературного языка в кириллической графике, является глагол *иногюрировать*. В наше время в политическом дискурсе достаточно распространено существительное *инаугурация*, обозначающее 'процедуру возведения в высокую должность'. Французский производящий глагол латинского происхождения *инаугурировать* (от *inauguratio* — 'начало') используется, по данным НКРЯ, чрезвычайно редко и в наше время. В середине XIX в. русскоязычная форма этого глагола известна не была. Толстой инициировал ее введение в оборот. В первой редакции повести «Юность» Дубков говорит про пирушку, которую намерен устроить ставший студентом Николай Иртенев: «А, это Nicolas мундир иногюрировать хочет... Славно!» [Толстой 2000: 384]. При расширении сюжетного фрагмента Толстой снял это слово, сохранив ироничное звучание за существительными *дипломат* и *полковник*, которыми Дубков называет облаченного в мундир Николая:

Так вот он, наш дипломат, виновник торжества... Ей-богу, ужасно похож на полковника [Толстой 1960: 248].

Слово *иногюрировать* не получило распространения в языке, однако чутье Толстого, отбиравшего для своих текстов иноязычную лексику, содержащую функциональный потенциал для русскоязычного употребления (ср. современное *инаугурация*), безусловно, проявляется в использовании этого глагола.

Во второй редакции «Юности» мы встречаем еще один иноязычный глагол в русской огласовке, который Толстой пытался внедрить в литературный язык. Это глагол *президировать*. Контекст употребления таков:

Так как папа редко обедал дома, то за столом президировала Мими, к которой мы, особенно мальчики, уваженья не чувствовали <...> [Толстой 2000: 389].

Этот глагол заимствован из немецкого языка, в котором *präsidieren* — ‘председательствовать, возглавлять что-либо’. Толстой не первым дал русскоязычный вариант этого глагола. По данным НКРЯ, инициировал это Н. И. Тургенев, который в одном из своих писем 1826 г. заметил:

Я обедал каждый день с его партизанами за общим столом. Он тут президировал [Цит. по НКРЯ].

Толстовское употребление было следующим. Далее слово встречается в дневнике Д. И. Менделеева (1862) и записках А. Н. Бенуа (1923) в том же значении. Глагол не получил сколько-нибудь заметного распространения в русском языке. Толстой не включил приведенный выше фрагмент в окончательный текст «Юности» (там иноязычная лексема заменена словосочетанием *занимала первое место* [Толстой 1960: 218]), но характер работы с иноязычным лексическим репертуаром, свойственный Толстому, это слово передает: «слово <...> много раз передумывалось и перекраивалось, тщательно “обжигалось”» [Чичерин: 227].

Толстой был одним из первых писателей, давших русское оформление французскому *decorum* — ‘приличия, этикет, внешний вид, правило’. НКРЯ приводит 127 примеров русскоязычного *декорум* в 99 текстах.

Впервые кириллический вариант зафиксирован в 1841 г. в повести поэта А. А. Башилова «Молодость Башилова». Большим поклонником этого слова был А. В. Дружинин, который в 1850–1860-х гг. употреблял его неоднократно: НКРЯ фиксирует 6 дружининских контекстов (*должный декорум, светский декорум, надо хранить декорум* и т. п.). У Толстого во второй редакции «Юности» это слово употреблено в таком контексте:

<...> семейный обед и кружок вместе со своим декорумом стал мало-помалу терять для нас всю свою прежнюю прелесть [Толстой 2000: 399].

В окончательном варианте писатель предпочел убрать это новое для языка иноязычное слово, не вполне соответствовавшее задаче передать атмосферу былых торжественных и вместе с тем теплых семейных обедов Иртеньевых. Он предпочел дважды на небольшом отрезке текста разъяснить, что было утрачено со смертью матери, бабушки и отдалением отца от семьи:

Обед уже не был, как при татам и бабушке, каким-то обрядом, соединяющим в известный час все семейство... <...> С тех пор обед перестал быть, как прежде, ежедневным семейным радостным торжеством [Толстой 1960: 219].

Слово *декорум* для такой семантики было слишком «мелко».

Примечательно, что с легкой руки Дружинина слово *декорум* вошло в русский язык и нечасто, но стабильно употребляется вплоть до настоящего времени. По НКРЯ, одним из последних его применений является повесть Л. А. Данилкина «Ленин: Пантократор солнечных пылинок» (2017), где участие в выборах названо *соблюдением декорума*.

Во второй редакции «Юности» для негативной характеристики молодой мачехи Иртеньевых Толстой использует слово *пуассардка*, вложенное в уста Володи. Это существительное вошло и в окончательный текст повести, поскольку идеально соответствовало отношению детей-Иртеньевых к мачехе (от фр. *poissarde* — ‘торговка рыбой’, ‘рыночная торговка’, ‘грубая женщина’). Толстой нашел это слово только во второй редакции, ранее его в тексте не было. НКРЯ дает 4 примера употребления этого слова в русском литературном языке. Первый принадлежит И. А. Гончарову, который в рассказе «Иван Саввич

Поджабрин» (1842) использовал антитетическое сочетание «была не княгиней, а пуассардкой» [Цит. по НКРЯ]. Остальные три примера, зафиксированные НКРЯ, принадлежат Толстому. Слово не нашло широкого распространения в русском языке, несмотря на его выразительность. Его еще один вариант (без удвоенной согласной) *пуассардка* приведен в НКРЯ в 4 примерах. Вместе с тем вполне очевидно, что французская семантика, подкрепленная пренебрежительной коннотацией, дала этому слову в русском языке статус художественного средства. Можно считать, что «Юность» Толстого — одно из произведений, для которого это слово является знаковым, по крайней мере в том его сюжетном ходе, который именуется названием одной из глав «Женитьба отца».

Немало сказано о тяготении Толстого к использованию нетранслитерированных заимствований, исчерпывающий стилистический комментарий которых дал еще В. В. Виноградов [Виноградов 1939]. Обширные иноязычные, преимущественно французские, вставки имеются во всех его крупных произведениях. В идиостиле Толстого иноязычное и русское представлены как речевая оппозиция, которая в значительной степени характеризует персонажей. Черновые варианты ранних произведений Толстого показывают, как эта важнейшая черта идиостиля у него складывалась. Много написано о роли выражения *comme il faut* в биографической трилогии (см., например: [Купреянова 1952], [Романов 2007]). Приобретение им негативной коннотации, которое произошло в повести «Юность», — одно из проявлений складывания вышеупомянутой черты толстовского идиостиля.

В черновых редакциях Толстой устами главного героя нередко дает объяснения, почему он использует нетранслитерированные варианты слов и каково отношение к ним. При этом довольно часто эти варианты являются однословным вкраплением в русскоязычный текст, что не было характерно языковой традиции толстовской эпохи. Например, так комментируется использование слова *noble*, которое в несколько отличающемся виде было характерно разным языкам:

Высшим достоинствам, к которому я стремился, было быть *noble* во всем. (Я пишу *noble*, а не *благороден* потому, что это слово имеет непереводимое французское значение. Даже по-немецки *nobl* и *ehrlich* большая разница). Потом мне казалось быть страстным тоже большим совершенством,

которого я долго и тщетно старался достигнуть, и наконец главное — быть *comme il faut* [Толстой 2000: 459–460].

Все слова, которые приведены в данном отрывке в нетранслитерированном виде, наделены автором пейоративной эмоциональной окраской. Причем Толстой вполне осознает, как инографика в его сознании постепенно начинает связываться с негативной оценочностью. Он даже отмечает, что сами феномены, обозначаемые этими словами, являются заимствованными, не свойственными русскому миру, а соответственно, их привлечение не может не восприниматься как искусственное, навязанное, ложное.

Отметим, что Толстой первым использовал французское слово *noble* как однословное вкрапление в русский текст. НКРЯ дает 94 примера этого слова в латинской графике, зафиксированных 64 текстами. Но все эти тексты франкоязычные. И только у Толстого это слово является вставкой в текст на родном языке. Кроме второй редакции «Юности», слово *noble* встречается в статье Толстого «Две войны» (1898), где оно дано также с негативной коннотацией в англоязычном сочетании *noble work* — ‘благое дело’.

Необходимо заметить, что вкрапленное использование данного слова, которое было заложено Толстым, распространено, по свидетельству НКРЯ, до настоящего времени. Правда, отрицательная коннотация характерна только идиостилю Толстого. Иные вкрапления с этим словом такой коннотации не имеют. НКРЯ в качестве самых частотных приводит английские *noble mind* — ‘благородная душа’ (‘благородный ум’) в философских работах и *Barnes and Noble* — фамилии предпринимателей, создавших сеть американских книжных магазинов.

3. Отдельные стилистические приемы

Характер стилистического приема, видимо, приобретает у Толстого нагнетение определенных грамматических форм, например, форм отвлеченных существительных, которые используются в рассказе о семье Нехлюдовых:

Кружок этот имел какой-то особенный характер *простоты, нравственности, изящества, умеренности* и вместе *сухости и логичности* [Толстой 2000: 379].

К числу художественных приемов, используемых Толстым, относятся, например, эпитетные тропы, от многих из которых в силу их чрезмерной яркости Толстой затем отказался: «*напущенная любовь*» [Толстой 2000: 385], «*самостоятельное выражение лица*» [Толстой 2000: 390], «*друзья из черненьких людей*» [Толстой 2000: 391]. В тексте встречаются подобного же рода, то есть броские, метафоры: «*выкапывание мыслей*» [Толстой 2000: 458], «*пересаливать шутки*», «*перепускать иронию*» [Толстой 2000: 487]. Некоторые акцентированные метафоры Толстой все-таки оставил в итоговом тексте для характеристики тех персонажей, где эта акцентуация была необходима как важное свойство их некой «личностной чрезмерности». Так, мать Авдотьи Васильевны, старуха Епифанова, названная в третьей редакции повести *игрушкой*, сохранила эту метафорическую характеристику и в окончательном тексте:

И сама Анна Ивановна была игрушечка, маленькая, худенькая, всегда к лицу одетая, в новом чепчике... [Толстой 2000: 497].

Можно отметить отдельные выразительные фразеологические обороты, например, в следующем контексте:

Люди, склонные к такого рода любви, всегда бывают невыносимо горды своей любовью; готовы всю жизнь *колоть глаза* и мучать любимый предмет своим самоотвержением [Толстой 2000: 448].

Важные черты толстовской биографии были перенесены в текст «Юности» как детали личностного роста главного героя («динамическая деталь», по А. В. Чичерину, которая «метит далеко вглубь» [Чичерин: 229]). К числу таковых относится *франклиновский журнал*, который пытался вести и сам Толстой. В финале второй редакции «Юности» появляется замечание: «Писать правила исправлений и франклиновский журнал» [Толстой 2000: 493]. Словосочетание *франклиновский журнал* Толстой предпочел убрать из окончательного текста «Юности»,

однако намерение вести дневник он за Николаем Иртеньевым оставил. Вместе с тем сам феномен франклиновского журнала в отечественной культуре и языковой практике накрепко связан с именем Толстого. *Франклиновский журнал* (или *франклиновский дневник*) — это дневник, отмечающий этапы самовоспитания и саморазвития. Такую форму работы над собственной личностью предложил Бенджамин Франклин (1706–1790), который вел подобный дневник в 1728 г. В дневник было включено 13 добродетелей, должных быть сформированными в собственной личности; на «отработку» каждой добродетели Франклин отводил себе одну неделю. Этот пример вдохновлял Толстого и стал для него символом идеальной деятельности по самосовершенствованию, как и само словосочетание *франклиновский журнал*. НКРЯ свидетельствует о том, что это словосочетание фиксируется в русском языке исключительно в контекстах, связанных с произведениями или биографией Л. Н. Толстого.

Список литературы

Источники

Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского. М.: Веста, 1993. 246 с.

БАС I — Словарь современного русского литературного языка в 17 т. М., Л.: Наука, 1948–1965.

БАС III — Большой академический словарь русского языка. М., СПб.: Наука, 2004–2024. Т. 1–28.

Виноградов В. В. О языке Толстого (50–60-е годы) // Л. Н. Толстой. Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35/36. Кн. 1. С. 117–220.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М.: Прогресс, Универс, 1994.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: май 2026 г.).

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худож. лит., 1930. Т. 2. 418 с.

Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. 1. 463 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 100 т. Редакции и варианты художественных произведений. М.: Наука, 2000. Т. 1 (19). 564 с.

Исследования

Бухаркин П. Е. Риторика и смысл. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. 168 с.

Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX в. М.: Книга, 1989. 286 с.

Куприянова Е. Н. «Детство», «Отрочество», «Юность» (к столетию с начала литературной деятельности Л. Н. Толстого) // Литературная Тула. Тула: Областное книжное изд-во, 1952. Кн. 5. С. 107–117.

Романов Д. А. Феномен *comme il faut* // И. И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре. Рязань: ИРЯ им. Виноградова РАН и РГУ им. Есенина, 2007. С. 165–171.

Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Доница О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.

Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М.: Худож. лит., 1977. 445 с.

Язык Л. Н. Толстого. Пособие по истории русского литературного языка / ред. А. Н. Кожин. М.: Высшая школа, 1979. 240 с.

References

Buharkin, P. E. *Ritorika i smysl [Rhetoric and Meaning]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2001. 168 p. (In Russ.)

Kirsanova, R. M. *Rozovaia ksandreika i dradedamovyi platok: Kostium — veshch' i obraz v russkoi literature XIX v. [Pink Xandreika and Dradedamovy Shawl: Costume — Thing and Image in Russian Literature of the 19th Century]*. Moscow, Kniga Publ., 1989. 286 p. (In Russ.)

Kupreianova, E. N. “‘Detstvo’, ‘Otrochestvo’, ‘Iunost’ (k stoletiiu s nachala literaturnoi deiatel’nosti L. N. Tolstogo)” [“‘Childhood’, ‘Adolescence’, ‘Youth’ (On the Centenary of the Beginning of L. N. Tolstoy’s Literary Activity)”. *Literaturnaia Tula [Literary Tula]*, book 5. Tula, Regional Book Publ., 1952, pp. 107–117. (In Russ.)

Romanov, D. A. “Fenomen *comme il faut*” [“The Phenomenon of *Comme il faut*”. *I. I. Sreznevskii i istoriia slaviano-russkoi filologii: tendentsii v nauke, obrazovanii i kul’ture [I. I. Sreznevsky and the History of Slavic-Russian Philology: Trends in Science, Education and Culture]*. Moscow, Ryazan, Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Ryazan State University Publ., 2007, pp. 165–171. (In Russ.)

Savchuk, S. O., T. A. Arkhangel’skii, A. A. Bonch-Osmolovskaia, O. V. Donina, Iu. N. Kuznetsova, O. N. Liashevskaiia, B. V. Orekhov, and M. V. Podriadchikova. “Natsional’nyi korpus russkogo iazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiia” [“The National Corpus of the Russian Language 2.0: New Opportunities and Development Prospects”]. *Voprosy iazykoznaniiia*, no. 2, 2024, pp. 7–34. (In Russ.)

Chicherin, A. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilii [Essays on the History of Russian Literary Style]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1977. 445 p. (In Russ.)

Язык Л. Н. Толстого. Пособие по истории русского литературного языка [The Language of L. N. Tolstoy. A Textbook on the History of the Russian Literary Language], ed. by A. N. Kozhin. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1979. 240 p. (In Russ.)